

Раздел 7. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК330.341:316.4:94(470-571)«1917 –1993»

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА (к 100-летию русской революции)

Столбов Вячеслав Павлович (stolbov@isuct.ru)

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»

Столетие русской революции 1917 года отражает жизнь российского общества в различных формационных сдвигах, от крушения государственности до прорыва в мировой политике и экономике. В процессе социально-экономического эксперимента в стране сформировалась особая советская цивилизация, оценки которой в настоящее время имеют полярное содержание.

Ключевые слова: советская цивилизация, общинная цивилизация, Советы, старообрядческая община, ошибки в социально-экономическом преобразовании общества

Великая русская революция 1917 года знаменательна в мировой истории тем, что в процессе разрушения российской государственной системы и формирования советской социально-экономической системы был создан новый тип цивилизации, советская цивилизация. Теоретическое осмысление этого типа цивилизации достаточно широко представлено в работах политолога С.Г.Кара-Мурзы, и хотя с его оценками можно не во всем согласиться, следует признать, что он обрисовал широкую палитру черт советской цивилизации и ошибки, допущенные в ходе ее становления и утверждения [1]. Многие ученые, касающиеся в своих исследованиях проблем типологии цивилизаций (П. Сорокин, Ю. Яковец, А. Тойнби, С Хантингтон, Ф. Бродель), не употребляют данное понятие и не указывают на его феномен. Конечно, вряд ли применимо к советской цивилизации используемое понятие «православно-христианской цивилизации» при характеристике российского общества (А.Тойнби, Ю. Яковец). Данное понятие абсолютно не тождественно понятию «советская цивилизация», ибо здесь наличие явного противоречия (в нормах советской цивилизации религия характеризовалась как «опиум народа», а отсюда и отношение к ее институтам было отрицательным, политика - репрессивной).

Советская цивилизация, в большей степени, соответствует традиционной для России общинной цивилизации с присущими ей чертами, заложенными еще в процессе формирования Московского государства и преобразований Петра I. Так, по мнению того же С.Кара-Мурзы, главный политический орган советской цивилизации Советы своими корнями «происходит» от крестьянской общины. Японский историк Я. Шимотомаи, исследуя социальный состав первого в России городского Совета в Иваново, обратил внимание на то, что, в своем большинстве, члены его в прошлом являлись выходцами из старообрядческих семей. Исходя из этого он предполагает, что природа Советов заложена в нормах и принципах деятельности старообрядческих общин. Таким образом, Советы,

политическая основа советской цивилизации, не «след» европейского парламентаризма, а отсюда и стратегия развития России после свершения великой русской революции 1917 – 1922 года была некапиталистической.

Советская цивилизация в СССР, по мнению Н.Бердяева, была порождением сталинского социализма, который, по своей сути вариантом тоталитарного социализма, а не тем, к чему стремились теоретики социалистического движения [2]. Она сформировалась в условиях эксперимента советских политиков, охватившего Россию и часть Европы, и продолжавшийся более 70 лет.

Советская цивилизация, в которой выросло не одно поколение населения СССР, всегда утверждалась в идеологии социалистического строительства как самый гуманный и высоко духовный строй. Причиной для такой характеристики приводились факты выведенной Лениным, исторической перспективы капитализма, о «его загнивании и умирании». В противовес этой перспективы развития капитализма приводились факты высоких темпов экономического развития, выход страны на лидирующие позиции по целому ряду экономических показателей (валовой подход), однако в переводе на душу населения большинство этих показателей были значительно ниже, нежели в капиталистических странах. Факты социально-культурного развития (повсеместное образование населения, развитие науки, выход в Космос) свидетельствовали о значительных успехах советской цивилизации. Сплочение общества в борьбе с гитлеризмом поднимало вес страны на международной арене. По замечаниям бывшего премьер-министра Великобритании У.Черчилля: «Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными и жестокими ранами, которые нанес Гитлер России. Но Советская Россия не только выстояла и оправилась от этих ран, но и нанесла германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести, ни одна другая армия в мире» [3].

Однако при всем позитивном в оценке советской цивилизации, у ее теоретиков всячески

замалчивались факты насилия над личностью и целыми народами. Репрессии рассматривались лишь как необходимое условие борьбы с противниками и врагами социалистического строя [4]. В литературе о количестве репрессированных в СССР большие расхождения, информацию об этом можно найти в работе Ю. Лыскова «*Сталинские репрессии. Великая ложь XX века*». На наш взгляд, более достоверными являются данные исследователя данной проблемы В. Земскова, который считает, что с 1921 по 1953 г. осуждённых по ст. 58 УК было около 4 миллионов человек. Из них около 800 тысяч были приговорены к расстрелу. Кроме того, предполагается, что около 600 тысяч умерли в тюрьмах, так что общее число жертв достигает 1,4 миллиона человек [5]. В октябре 2017 года при открытии нового мемориала жертвам репрессий в Москве было названо количество жертв, подвергнутых сталинским репрессиям, с 1921 по 1953 г., 4 миллиона человек, и среди них 800 тысяч расстрелянных. Однако по-прежнему нет четкой статистики о гибели людей в процессе депортации народов в послевоенный период истории СССР. Изгнание из страны представителей творческой и научной интеллигенции, так называемых диссидентов, всячески преподносилось как необходимая мера борьбы с идеологическими противниками. Годы короткой человеческой жизни становилась еще короче вследствие действия, так называемого телефонного права. Чистки партийных и военных кадров в 1937–1938 гг. вследствие развившихся процессов подозрительности, шпиономании, доноительства на близких людей и талантливых личностей создавали атмосферу напряженности в обществе. Смертные приговоры старшим офицерам и строевым военнослужащим в армии, зачастую выносимые вследствие подозрительности и доносов на них неудачниками в военной карьере, зависти по отношению к талантливым офицерам, сведению счетов на бытовой почве ослабляли армию. Проявлялась своеобразная закономерность, сначала расстреливали жертв этих доносов, а на следующем витке репрессий расстреливали самих авторов доносов и обвинений. Маршал А.М. Василевский неоднократно в своих воспоминаниях замечал, что «если бы не было 1937 года, то и тогда не было бы и 1941 года» [6]. Подобное наблюдалось и в гражданской жизни особенно во время чистки партаппаратной номенклатуры, в ходе которой было снято с должностей 1,5 млн. человек [1, С. 515]. На смену этим «обиженным» пришел новый «омоложенный» номенклатурный состав, не связанный с партийными кланами, фракциями и распределителями блага. Это были уже подготовленные проводники сталинского социализма.

В советской литературе социалистического реализма долгое время тема насилия над личностью была «за семью печатями». Если она и просачивалась в печать, то объяснения им находили в ослаблении политической бдительности, происках затаившегося классового врага, отсутствии политического самосознания у отдельных слоев населения.

Все ли так нормально обстояло в советской цивилизации в жизни ее гегемона, рабочего класса. Реализация мечты о социализме, воплощенная в многочисленных индустриальных стройках и преобразованиях, не всегда совпадала с реалиями жизни. Обратимся к рассекреченным в 1990-х годах архивным данным по Ивановской промышленной области (ИПО). В 1926–1927 гг. на ее территории произошли забастовки с количеством участников от 1912 до 3023 человек [7]. Среди причин забастовок указывались: недовольство зарплатой, расценками, условиями труда, трудности с покупкой продовольствия и др. В 1928 году обозначился рост числа забастовок, причем они приобретали политический характер. Призывы протестующих были следующими: не участвовать в перевыборах в Советы, не ходить на собрания – это «*чесание языков у коммунистов*», пусть советская власть даст нам сначала хлеба, накормит досыта. Крупные протестные выступления происходили в Шуе, Серее, Иваново-Вознесенске. В августе в Серее численность протестующих людей составляла 2263 человека [8]. В 1930 году на текстильных предприятиях области было 55 забастовок с численностью участников – 2930 человек. В 1931 году было уже зафиксировано по ИПО 116 забастовок и 91 конфликт, в которых участвовали 16 тысяч рабочих [9].

В апреле 1932 года ИПО потрясли сильные рабочие волнения, практически они охватили все текстильные города области, в них участвовало 17 тысяч протестующих. В Вичуге и Тейкове забастовщиками наряду с экономическими требованиями были выдвинуты политические требования: «*Долой коммунистическую партию*», «*Долой советскую власть*». По словам председателя облисполкома Н.А. Кубяка, «*власть валялась на улице*» [10, С.353-354]. В Вичугу только на одиннадцатый день забастовки прибыли секретарь ЦК ВКП(б) Л.Каганович с сопровождавшими его партийными работниками. К поезду были прицеплены вагоны с мукой и другим продовольствием для рабочих фабрик Вичуги [11, С. 88-89]. Подобная ситуация сложилась и в Тейкове, где рабочие хлопчатобумажного комбината «Красный Октябрь» 14 апреля в количестве 2 – 3 тысяч человек выступили в Иваново «*голодным походом*». На пути к областному центру протестующих поддерживали сельские жители, присоединяясь к маршу. Поход был остановлен на подступах к Иваново

[12]. Предзабастовочная ситуация наблюдалась и в других городах ИПО, таких как Иваново, Кострома, Ярославль, Кольчугино, Гусь-Хрустальный, Александров, Кинешма и Родники [10].

Советская цивилизация сформировала жесткую политико-экономическую и тоталитарно-государственную систему. Начиная с 1929 года, в экономике утвердилась административно-командная система управления. Директивное плановое распределение ресурсов и продукции окончательно вытеснило либерально-рыночные отношения. С конца первой пятилетки до конца 1980-х годов в стране функционировала сверхцентрализованная экономика, и, хотя успехи ней были и неоспоримыми (лидерство по целому ряду экономических показателей в мире), цена этих успехов, достигнутых в предвоенные и послевоенные годы, была слишком велика.

В 30-е годы XX столетия в РФ широко стал использоваться труд заключенных системы ГУЛАГ. Так, по состоянию на 1 мая 1930 года в системе НКВД РСФСР находилось 279 исправительно-трудовых учреждений, в которых содержалось 17.251 человек. К этому времени уже начала складываться система собственных лагерей в ОГПУ. Начало этому положили Соловецкий и целый комплекс Усть-Сысольских лагерей особого назначения, в которых содержалось около 100.000 человек. Тогда же в 1930 году было создано Управление лагерей (УЛАГ) ОГПУ, которое вскоре было переименовано в Главное управление лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ. К началу 1933 г. общее число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, составило около 300.000 человек. К лету 1934 г. это число увеличилось до 500.000 человек. Число заключенных в лагерях ГУЛАГ постоянно росло, по состоянию на 31 декабря 1936 года оно возросло и составило 820 881 человек, в 1937 году - 996367, в 1938 году - 1 371 396, в 1939 году - 1 344 408, в 1940 году - 1 500 534, в 1941 году - 1 415 596 человек. Было бы неправильным полагать, что партийные и советские органы в центре и на местах не знали о беззакониях и произволе. Не только знали, но и давали директивы на борьбу с врагами народа [13].

Большой ошибкой в советской цивилизации являлось решение крестьянского вопроса, так называемого раскрестьянивания русской деревни. Было бы неправильным считать проявление этого процесса только в годы советской власти. Процесс раскрестьянивания получил свое начало еще в период мероприятий Великой земельной реформы 1861 года. Но отличие его состоит в том, что, если он проходил мирно в пореформенный период 1861-1914 гг., и способствовал развитию рыночной экономики в стране, то в советской системе этот процесс осуществлялся насильственными методами в форме коллективизации, заложившей основы

затяжного аграрного кризиса. В процессе насильственной коллективизации был уничтожен наиболее эффективный, трудоспособный, ориентированный на рыночные отношения, слой крестьянства, разрушены разнообразные формы ведения сельского хозяйства и сведение их к единообразной структуре, подчиненной государству.

В процессе коллективизации была разрушена реальная сельская кооперация, сложившаяся в начале XX века в России под влиянием идей М.Туган-Барановского, А.Чаянова, Н.Кондратьева. Их идеи о кооперации были в первой половине 1920-х годов приняты и реализованы в мероприятиях нэпа, что способствовало подъему сельскохозяйственного производства к середине 1920-х годов. Со второй половины этих же годов они были отвергнуты отечественной политической элитой и окружавшей ее группой теоретиков-экономистов. Интересно в этой связи упомянуть фразу С.Г.Струмилина, обращенную к Н.Д.Кондратьеву: «С вами, господин Кондратьев, социализма не построишь». Это высказывание развязывало руки политикам к репрессии ученого. Н.Д.Кондратьев был расстрелян в 1938 году на расстрельном полигоне вблизи станции Коммунарка под Москвой. В процессах насильственной коллективизации и форсированной индустриализации была также отвергнута концепция А.Чаянова о трудовом крестьянском семейном хозяйстве и крестьянской кооперации. Сам ученый, энциклопедист был обвинен в преклонении перед народничеством и расстрелян в 1937 году. Ученые организационно-производственной школы А.Фортунова были репрессированы и многие из них расстреляны. Вместо идеи реальной сельской кооперации была сформирована «видимая кооперация», полностью подчиненная административной политической системе.

О том, что коллективизация внедрялась вследствие политических соображений свидетельствует директива Сталина *"поднять на ноги партийные организации, указав им, что дело заготовок является делом всей партии"*. Виновниками объявлялись кулаки, как сохранившиеся буржуазные элементы. По выражению Сталина все трудности создавались ими: *"Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту"* [14, С. 249-297]. Протестом против таких действий властей в среде российского крестьянства стало происходить частое дробление семейных хозяйств (в 1913 году в России было 16 млн. крестьянских хозяйств, в 1928 году уже около 25 млн.). Измельчение крестьянских хозяйств приводило к падению производительности труда в них, а отсюда – к снижению их доходности, товарности и тем самым легальному уходу от налогообложения

[15]. Крестьяне из середняцких и кулацких хозяйств нередко лишались избирательных прав за попытки торговли продукцией и другие виды хозяйственной деятельности (например, в сельской местности СССР было лишено избирательных прав 4,1% от общего числа избирателей, в Ивановской промышленной области были лишены избирательных прав 17121 жителей) [10, С.321].

Практика ликвидации кулачества как класса в 1930 году была расширена за счет применения к крепким хозяйствам уголовного кодекса, в соответствии с положениями которого, лица, занимавшиеся убоим скота и его умышленным изувечиванием, рассматривались как противники коллективизации, за что они лишались свободы на срок до 2-х лет с высылкой из данной местности. Как не вспомнить сюжет из шолоховской «Поднятой целины» о забое дедом Щукарем своего телка.

Для проведения коллективизации из городов и промышленных предприятий в сельскую местность было направлено 25 тысяч рабочих-коммунистов, деятельность которых должна была способствовать насильственному объединению крестьян в колхозы. Число колхозов стало расти с 14,8 тысячи (июнь 1927 года) до 57 тысяч (июнь 1929 года), а удельный вес объединяемых ими хозяйств – с 0,8 процента до 3,7. Колхозы создавались, в большей степени, сельской беднотой на добровольной основе. Однако уже в то время имели место факты бюрократического планирования сверху, "разверстки" заданий, "ударных кампаний", нереальных обещаний снабжения техникой, обеспечения агрономической помощи и т.д. Начавшееся весной 1928 года форсирование организации колхозов с течением времени становилось все более откровенным и сильным. Летом 1929 года провозглашается лозунг "сплошной коллективизации" крестьянских хозяйств целых областей и округов (первым среди них стал Хоперский округ Нижневолжского края).

Однако реальность зачастую была обратной. Нередко в этом деле были перегибы и перекосы. Так, Косиор С. сообщал о "десятках перегибов" на Украине: *"У нас было несколько историй, когда переходили в коллектив целые села, а потом они быстро разваливались, и нас выгоняли оттуда с барабанным боем. Мы имели сплошную коллективизацию на территории десятков сел, а потом оказывалось, что все это дутое, искусственно созданное, а население в этом не участвует и ничего не знает"*. На местах директивы преломлялись в лозунг: *"Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти!"* [16].

Как следствие насилия при создании колхозов стало массовое недовольство и открытые протесты крестьян, вплоть до антисоветских вооруженных выступлений... В 1929 году было,

зарегистрировано более 1300, так называемых "кулацких" мятежей, "кулацких стачек" с числом участников более 300 тысяч человек. С начала января до середины марта 1930 года их было зарегистрировано 2700 выступлений (без Украины) с числом участников свыше 1 млн. человек. По существу это была самая настоящая гражданская война, спровоцированная советским партийно-государственным руководством [14, С.269]. Росли случаи расправ над коммунистами и колхозными активистами. Истребление скота приобрело массовый характер. Так, по архивным документам в Ивановской промышленной области в 1929 году произошло 6 массовых выступлений в сельской местности, в 1930 году уже 251 выступление с более чем 20 тысячами участников [10, С.337].

В ходе ускоренной коллективизации в 1930 году был подготовлен документ «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Для районов сплошной коллективизации (Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга, Центрально-Черноземная область, Урал, Сибирь, Украина, Белоруссия и Казахстан) указывались цифры "ограничительных контингентов", подлежащих выселению в отдаленные районы страны: 60 тысяч хозяйств (семей) первой категории и 150 тысяч – второй. Также были установлены "ограничительные контингенты" раскулачиваемых, для Ленинградской, Западной, Московской, Иваново-Промышленной областей, Нижегородского края и Крымской АССР: 17 тысяч первой категории, 15 тысяч второй. В ходе реализации этого документа ОГПУ предлагалось «направить в концлагеря по первой категории 60 тысяч и подвергнуть высылке в отдаленные районы – 150 тысяч кулацких хозяйств» [14, С.282]. Раскулачиванию подверглись не только крепкие зажиточные хозяйства, но и хозяйства середняков. Раскулачиваемые делились на три категории. К первой относился "контрреволюционный актив" – участники антисоветских и антиколхозных выступлений (они сами подлежали аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны). Ко второй – "крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации" (их выселяли вместе с семьями в отдаленные районы). И наконец, к третьей – остальной части кулаков (она подлежала расселению специальными поселениями в пределах районов прежнего своего проживания) [17, С.148].

В феврале 1930 года вышел приказ ОГПУ СССР «О проведении ликвидации кулачества как класса». Число "раскулаченных" во многих районах достигало 10–15% крестьянских хозяйств, число "лишенцев" (лишенным избирательных прав) – 15–20%. В августе 1930 года В.Менжинский в телеграмме местным органам ОГПУ требовал: *«Не бойтесь размеров опера-*

ции, важен результат». По официальным данным с начала 1930 и по 1932 г. из районов сплошной коллективизации было выселено около 400 тысяч кулацких семей (1,8 млн. человек), 250 тысяч семей «раскулачились» (продали и раздали имущество, выехали в города). В Ивановской промышленной области было выселено около 8 тысяч кулацких семей [18].

Чрезвычайные меры по отношению к деревне, начавшиеся в 1927 году и последующая коллективизация отбросили сельское хозяйство назад и окончательно подорвали элементы рыночного регулирования экономики. Ликвидация в сельской местности России наиболее экономически активной части населения в социальном аспекте повлияла на деморализацию значительной части сельского населения. Аграрная политика этого периода, направленная на ограничение и ликвидацию кулачества и середняка, измельчение крестьянского хозяйства подготовили затяжной кризис в сельском хозяйстве, отрасли советской экономики.

Следствием коллективизации, ее трагической страницей в истории российского крестьянства явился голод, постигший колхозную деревню в 1932 – 1933 гг. Установить количество погибших в результате голода чрезвычайно трудно. Зарубежные исследователи приписывают сплошной коллективизации сельского хозяйства уничтожение 13 миллионов крестьян, в том числе, более 7 миллионов человек, умерших от голода [14. С.363]. Однако эти цифры вызывали критику даже в англо-американской научной литературе. Достаточно убедительного показано, что в основе приведенных расчетов – использование "темных источников", "ничем не оправданные интерпретации", а главное – стремление вызвать "возмущение" против Советского Союза, против социализма вообще. По более объективным оценкам статистических данных в работах историков Дэвиса Р. и Уиткрофта С., демографов Андерсен Б. и Сильвера Б., число жертв голода составило 3 – 4 миллиона человек [19, С.151].

Политическое руководство страны не стремилось спасти голодающих от смерти не потому, что в стране не было хлеба, а потому, что оно пыталось таким образом ослабить крестьянство как независимую политическую силу, заставить крестьян согласиться с коллективизацией.

Демографические итоги коллективизации были катастрофическими. Если во время гражданской войны в ходе "расказачивания" (1918—1919 гг.) было уничтожено около 1 млн. казаков на юге России, и это было огромной бедой для страны, то гибель в мирное время населения с ведома собственного правительства можно рассматривать как трагедию. Число жертв периода коллективизации точно подсчитать не представляется возможным, поскольку данные

о рождаемости, смертности, общей численности населения после 1932 года в СССР перестали публиковать [20, С.256].

Основной целью коллективизации было решение зерновой проблемы, а изымать сельскохозяйственную продукцию у колхозов было гораздо удобнее, чем у миллионов разрозненных крестьянских хозяйств. Но форма изъятия продукции у колхозов в пользу государства была найдена не сразу. Первоначально только что созданные колхозы включили в систему контрактации, т.е. в систему договоров об обязательной поставке сельскохозяйственной продукции государству в обмен на товары промышленного производства. В 1933 году она была заменена системой обязательной сдачи продукции (так называемая первая заповедь колхозника) по твердым нормам с каждого гектара посевных площадей и твердым государственным ценам. Таким образом, колхозы постепенно потеряли свой исходный кооперативный характер и превратились в государственные предприятия, включенные в государственные планы по производству и сдаче сельскохозяйственной продукции. Более того, те немногочисленные крестьяне, которые не входили в колхозы, также были обязаны сдавать государству свою продукцию: мясо, молоко, шерсть, зерно, картофель и др.

Особо сложные времена для колхозников наступили с введением в 1932 году паспортной системы в СССР. Паспорта могли получить только жители городов, рабочих поселков, новостроек. Колхозники паспортов не получали. Чтобы сменить место жительства (уехать в город, на стройку), крестьяне должны были получить справку из сельсовета, но это было ограничено многими обстоятельствами. Таким образом, долгие годы (до середины 1960-х годов) колхозники были принудительно прикреплены к земле, работали, как на барщине, получая при этом за свой труд скудную плату [21, С.59].

Восстановление сельскохозяйственного производства началось в 1935–1937 гг. Об этом свидетельствовали факты роста урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота в животноводстве, улучшалась система стимулирования труда в сельском хозяйстве. На это улучшение положения дел в отрасли сказывались и результаты технического перевооружения сельского хозяйства. В 1937 году система МТС обслуживала более 90% колхозов (в 1937 году в стране насчитывалось 243,7 тысячи колхозов, объединявших 93% крестьянских хозяйств). Конечно, МТС сыграли большую роль в техническом перевооружении сельского хозяйства, но их отношения с колхозами носили неравноправный характер [22, С.368-406].

Среди теоретиков программ развития страны и, в частности перспективы сельского хозяй-

ства, неоднократно вставал вопрос: «*Была ли альтернатива сплошной и быстрой коллективизации в стране?*» Ответы на данный вопрос многозначительны. Многие экономисты видят альтернативу сплошной коллективизации в следующем:

- путь кооперирования и функционирования в сельском хозяйстве разнообразных форм хозяйствования;

- сочетание производственной кооперации с семейно-индивидуальными формами организации и оплаты труда;

- развитие арендного подряда.

Каковы оценки мероприятий коллективизации сельского хозяйства? Применение политических «репрессивных» методов, получивших определение «*раскулачивание*», приводило к тому, что под этот процесс попадали и середняки, и зажиточные крестьяне, использующие наемный труд (понятие «кулак» не имеет четкого определения, но предполагается понимание некоторых признаков: наем рабочей силы, торговля на селе, передача денег в кредит или сдача инвентаря в аренду). Энгельс Ф. в работе «*Крестьянский вопрос во Франции и Германии*» ставили вопрос по отношению к зажиточным крестьянам, таким образом, что при определенных условиях можно «*обойтись без их насильственной экспроприации*» [23, С.501-522]. Раскулачивание захватило слои среднего крестьянства, семьи которых состояли из 5–7 человек. Раскулачиванием запугивали среднего крестьянина, принуждая к вступлению в колхоз. Налог, применяемый к кулакам, превышал в 112 раз, к середнякам – в 6 раз налог от бедняцкого хозяйства. Еще выше он был в 1928 – 1929 гг.

Экономической основы для сплошного раскулачивания не было, т.к. крепкие крестьянские хозяйства были основными производителями товарного зерна, а материально-техническая база колхозов была низкой. При оценке такой политики можно упомянуть высказывание Ленина: «*Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина*» [24, С. 201].

Решение крестьянского вопроса в советской цивилизации показало, что в сельском хозяйстве все социальные системы были сметены (община, крестьянская кооперация), произведена унификация производственного уклада к единой социально-производственной структуре, удобной для тоталитарного государства. Деревня взяла на свои плечи процесс индустриализации, и постепенно она раскрестьянивалась. Созданные колхозы по существу не были кооперативными хозяйствами, а были фактически государственными хозяйствами. Продуктивность колхозов хотя и росла, но существенно отставала от продуктивности сельскохозяйственных ферм США и Западной Европы (объем

сельскохозяйственного производства в 1980-е годы составлял 85% от США, производительность труда на уровне 20–28%, урожайность зерновых 15 центнеров с 1 га, в ЕС – 48–50 центнеров с га, США – 42–47 центнеров с га, средний надой на корову – 2445 кг, США – 5844 кг, Англия – 4909 кг, ФРГ – 4710 кг) [19, С. 159].

Меры по борьбе с религией на идеологическом фронте советской цивилизации следует также относить к репрессивной политике государства. Особенно это четко выразилось в фразе Ленина, высказанной в 1922 году по поводу расстрела православных священников в городе Шуе Ивановской промышленной области: «*Так этим попам и надо*». Вследствие этой русофобской политики новой власти уничтожались памятники русской национальной материальной культуры. Пролетарский поэт В.Маяковский, так выразил свое отношение к деятельности властей: «*Москва и Иваново строились заново*». Город Иваново вместе с Москвой стали «строительной» площадкой новой социалистической идеологии. Разрушение храма Христа Спасителя в Москве и церковных сооружений в Иваново стали знаковым событием внедрения этой идеологии. Репрессии против священнослужителей и прихожан пополнили лагеря ГУЛАГа – все это оказалось миной замедленного действия, сказавшейся на нравственности в поведении многих россиян. Места, где раньше стояли сооружения материальной культуры XIV-XIX вв. стали называться площадями Революции, Свободы, на которых возводились памятники пролетарским вождям и т.д. Тем самым многие русские города утратили свое историческое лицо. Гонение на религию подрывало социально-культурную основу национальной идентификации титульной нации России, русских людей.

Распад СССР в конце XX века привел в общественном сознании к критике практики социализма, что способствовало появлению тенденции советофобии у многих стран в отношении к России и отрицанию советской цивилизации.

Литература

1. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы /С. Г. Кара-Мурза. – М., 2002.
2. Бердяев, Н. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.Бердяев. – М., 1990.
3. Трухановский, В. Уинстон Черчилль. Политическая биография / В.Трухановский. – М., 1982.
4. Лысков, Д.Ю. Сталинские репрессии. Великая ложь XX века / Д. Ю. Лысков.– М., 2009.
5. Земсков, В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) / Н.Земсков. – М., // Социологические исследования 1991. №.6. С. 10–27; 1991. №.7. С. 3 — 16.

6. Василевский, А.В. Дело всей жизни / А.В.Василевский. – М., 1989.
7. ГАИО. Ф.П. -2. Оп.1. Д.2515. Л.27.
8. ГАИО.Ф.П. -2. Оп.1.Д. 2559. Л.240.
9. ГАИО. Ф.П. -327. Оп.4.Д.157. Л.1.
10. Околотин, В. Ивановская промышленная область (1929 –1936 гг.). Уроки экономической истории / В.Околотин. – Иваново.2009.
11. Сиганов, Н. Записки и воспоминания о нашей родословной, отдельных фактах жизни, пережитом / Н.Сиганов. – Иваново. 2017.
12. Патрикеев Н. Голодный бунт 1932 года / Н.Патрикеев. // Наше время. 1998. 3,10 июня.
13. Наше Отечество: опыт политической истории Т.2. / Кулешов С., О. Волобуев. – М., 1991.
14. Ивницкий, Н. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов (По материалам Политбюро ЦК ВКП(б)) /Россия XX век. Судьбы российского крестьянства и ОГПУ / под ред. Ю.Афанасьева. – М., 1996.
15. Устинин, М. О дробимости крестьянских хозяйств и частых переделах земли / М.Устинин. // Известия, 1928., 29 дек. № 301.
16. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927 –1932. – М., 1989.
17. Исторический архив. 1994. №4
18. Зеленин, И. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (1930 – 1932 гг.) / И.Зеленин – // История СССР. – М., 1990. №6.
19. СтолбовВ.П., Экономическая история России / В.Столбов. – Иваново. 2017.
20. Геллер, М., и др. Утопия власти. История Советского Союза от 1917 года до настоящих дней. Кн. 1-2. / М.Геллер, А.Некрич. – М., 1995.
21. Шмелев, Н., и др. На переломе. Экономическая перестройка в СССР / Н. Шмелев, В. Попов – М., 1989
22. Создание колхозного строя. Строительство совхозов / История социалистической экономики СССР. Т II. – М., 1977.
23. Энгельс, Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии / К. Маркс и Ф. Энгельс – Собр. соч. М., 1956.Т. 22.
24. Ленин, В.И Доклад о работе в деревне. VIII съезд РКП(б) / В. И. Ленин // Полн.собр. соч. – М., 1974. Т.38.